

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ВТОРАЯ
КНИГА
НОВОЙ
ТРИЛОГИИ

ОСТРОВ КОШМАРОВ

ПАРУСА И ПУШКИ

Как Англия стала крупнейшим в мире
хищником и колонизатором

Бушков. Непознанное

Александр Бушков

Остров кошмаров. Паруса и пушки

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бушков А. А.

Остров кошмаров. Паруса и пушки / А. А. Бушков — «Эксмо»,
2019 — (Бушков. Непознанное)

ISBN 978-5-04-105142-6

Логика англичан в XVI–XVII веках была незатейлива: если нет своего, нужно отнять чужое. Так при королеве Елизавете пиратство (т. е. морской грабеж, убийства и насилие) было возведено в ранг доблестного служения отечеству и всячески поощрялось. Англичане поставили пиратское ремесло буквально на конвейер, превратив его в отрасль государственной индустрии, которую активно спонсировали и богатые купцы, и знатные лорды. И сама королева Елизавета, кстати. В 1562 году пират Джон Хоукинс привез в Англию более тысячи чернокожих рабов. За успехи в новом для Англии бизнесе Елизавета присвоила ему звание адмирала. Кроме того, она официально разрешила ему включить в свой фамильный герб изображение негра в цепях...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105142-6

© Бушков А. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Трещат пожарища	6
Иоанна Первая, королева Англии	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Бушков
Паруса и пушки. Вторая книга
новой трилогии «Остров кошмаров»

© Бушков А.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Посвящается памяти леди Джен Грей – и всем англичанам,
погибшим с оружием в руках за справедливость и вольность.*

Из любого свинства можно выкроить кусочек ветчины.
Старая немецкая пословица

Трещат пожарища

После смерти Генриха Восьмого Англию лихорадило, смело можно так выразиться, сверху донизу...

Английский историк и писатель Чарльз Поулсен много лет изучал длинную череду мятежей, бунтов, восстаний – на основе документальных источников, со времен Средневековья по времени, предшествовавшего Первой мировой войне. По его подсчетам, в последние годы жизни Генриха около десяти процентов всего населения Англии (практически одни крестьяне), в одночасье лишившись и земли, и прочего имущества, мыкались по стране бездомными бродягами, не имевшими никаких средств к существованию. Попрошайничеством такой массе народа было безусловно не прокормиться. От безысходности приходилось воровать – чтобы спасти семьи от голодной смерти.

Вот именно, семьи. Мы как-то то ли забываем, то ли не берем в расчет, что вместе с лишившимся земли крестьянином изгоняли в полную неизвестность все его семейство – а семьи в Средневековье, в деревне особенно, были немаленькие. Вот и брели по дорогам мужчины и женщины, дети (порой малолетние, да и наверняка грудничков с собой несли), старики и старухи. Это, пожалуй, и было самое страшное для еще недавно благополучного, справного хозяина – не просто самому брести с пустым брюхом, но еще и видеть, как страдают от голода жена и дети, пожилые отец с матерью и другие родственники. Поневоле начнешь воровать, а то и грабить – а наказания за воровство и грабеж были зверские...

Наверняка очень и очень многие согласились бы работать на мануфактурах за сущие гроши – хоть какая-то гарантия жизни. Вот только мануфактур было еще слишком мало, чтобы занять работой более-менее значительную часть бродяг...

Королевская юстиция такие тонкости в расчет не принимала. И действовала прямо-таки людоедски. Кто-то из законников ввел в обращение термин «здоровые попрошайки» – это о трудоспособных безработных, оказавшихся таковыми не по своей воле. В большом ходу было «правило трех дней»: если бывало точно установлено, что «здоровый попрошайка» не работал нигде дольше трех дней, его ждали разнообразные наказания, на которые британская Фемида была всегда крайне изобретательна. Тот, кого жестоко выпороли, мог считать, что ему крупно повезло. Я говорю совершенно серьезно. Кроме порки, клеймили раскаленным железом, отрезали уши (а иногда и отрубали руку). Но чаще без затей вешали. В первой книге я уже приводил число таких висельников – около семидесяти двух тысяч... О том, что происходило с семействами казненных, сведений практически нет: никто из тогдашних хронистов такими мелочами не интересовался. Но нет сомнений, что на обочинах дорог во множестве лежали трупы стариков, женщин и детей. Иначе как геноцидом это не назвать...

Ситуация усугублялась тем, что финансовая система Англии пребывала в совершеннейшем расстройстве. Королевская казна была пуста. Все деньги, вырученные за распроданные монастырские и церковные земли и имущество, Генрих бездарно потратил на войны с Францией и Шотландией, совершенно бесполезные для государства. То, что англичане взяли шотландскую столицу Эдинбург и сожгли ее дотла, принесло лишь моральное удовлетворение – а это штука сомнительная и денег в казне не прибавившая.

Задолго до смерти Генрих начал портить монету – чем дальше, больше. К золоту и серебру на монетном дворе подмешивали медь и бронзу – иногда доля неблагородных металлов достигала тридцати процентов. По всей Европе «простые» фальшивомонетчики, этикие предприниматели без образования юридического лица, за такие фокусы подвергались самым зверским наказаниям. В одних странах (в том числе и в России) им заливали в глотку расплавленный металл. В других (особенно это было в ходу в германских государствах) фальшивомонетчиков заживо варили в кипящем масле, причем, подвесив под мышки, опускали в котел

довольно медленно – по щиколотки, по лодыжки, по коленки. У меня холодок пробегает по спине, когда я представляю, как они орала – нет сведений, что им затыкали рты.

А вот коронованным особам, как легко догадаться, такие забавы всегда и везде сходили с рук. Портить монету придумал отнюдь не Генрих – этим грешили многие европейские короли. Вот только Англии, понятное дело, от этого было не легче. Естественно, инфляция (такого слова тогда еще не знали, но это была именно она). Естественно, цены лезут вверх, как бешеная обезьяна по пальме. Дошло до того, что по всей Англии сплошь и рядом люди просто отказывались заключать сделки и принимать платежи в «порченных» монетах, предпочитая сохранившиеся в обращении деньги «старого образца», не испохабленные примесями меди и бронзы.

Ну, а наверху... Наверху творилось, говоря вульгарно, черт знает что – не то чума, не то веселье на корабле...

Но давайте по порядку.

При всех своих недостатках Жирный Гарри был все же человеком предусмотрительным. Прекрасно зная, что болен он смертельно, Генрих заранее постарался позаботиться о будущем – в первую очередь своего десятилетнего сына Эдуарда. Сначала он провел через парламент акт, которым установил четкий порядок престолонаследования. После его смерти королем должен был стать Эдуард. А далее по списку – старшая дочь Мария и уж за ней – младшая Екатерина. А чтобы сыну жилось спокойнее, устроил, говоря современным языком, зачистку политического пространства. Не требовалось особого ума, чтобы понять: юный король непременно окажется под влиянием одной из сильных придворных группировок. Таковых имелось две, жестоко меж собой враждовавших. Одна – протестантская (Эдуарда воспитали в протестантизме). Возглавлял ее человек незаурядный, как мы убедимся позже – граф Хертфорд, лорд Сеймур, родной брат покойной королевы Джейн Сеймур, то есть, как легко догадаться, дядя будущего короля. Другая – католическая, крайне неодобрительно относившаяся к Реформации и втайне (а иногда и не особенно втайне) мечтавшая о возвращении к прежним порядкам. Они были опасны в первую очередь тем, что располагали, как говорится, «знаменем» – принцесса Мария, дочь испанки Екатерины Арагонской, была истовой католичкой. Так что будущее могло таить для Эдуарда нехорошие сюрпризы – к тому времени в истории Англии уже не раз случалось, что престол оказывался не у того, кто числился наследником в официальных бумагах, а у того, кто смог собрать больше войск... А сторонников «старой веры», то есть католицизма, в Англии было еще немало, в том числе среди людей знатных, богатых и влиятельных... Протестантизм, то есть англиканство, укоренился еще недостаточно крепко.

Генрих решил проблему в своем излюбленном стиле – попросту обвинил в государственной измене и казнил вождей католической партии и ее наиболее влиятельных деятелей. Теперь политическое пространство состояло лишь из протестантской партии графа Хертфорда. Из ее членов Генрих и создал опекунский совет, обязанный заботиться об интересах Эдуарда. Структура у него была интересная: шестнадцать человек «основной команды» и еще двенадцать – в качестве этакого вспомогательного состава, скамейки запасных, если пользоваться хоккейными терминами. В общем, как к Генриху ни относиться (а относиться к нему следует плохо по примеру многих английских историков), в данном случае он себя проявил крайне предусмотрительным человеком – сделал все, что мог, в интересах сына, предусмотрев все возможные осложнения – кроме одного-единственного, не зависевшего ни от короля, ни вообще от смертных...

Сразу после смерти Генриха объявилась интересная интрига. Его завещание не содержало никаких неясностей или темных мест, кроме последнего пункта, гласившего: «Душеприказчикам короля надлежит исполнить вместо него все обещания, когда-либо им данные». Что это за обещания, члены опекунского совета понятия не имели, ни о чем подобном они прежде не слышали.

Все принялись старательно скрести в затылках, гадая, о чем же идет речь. Длилось это недолго: встал главный душеприказчик граф Хертфорд и с милой улыбкой моментально внес ясность. Оказывается, загадочный пункт означал, что королю благоугодно было присвоить ему, Хертфорду, титул герцога Сомерсета, а его брату Томасу – титул барона. И пожаловать обоим немаленькими поземельными владениями согласно странной формуле для таких случаев, «чтобы они могли достойно поддерживать свое новое звание».

Члены совета испытали натуральный шок. Никаких доказательств, кроме слов самого графа, не имелось – а Хертфорд отнюдь не был образцом благородства и чести, о чем знала каждая собака. Скорее уж наоборот. Беспринципный, амбициозный, жадный до почестей и богатства субъект.

Верить ему на слово как-то не тянуло. Члены совета, малость оправившись от шока, готовы были наговорить этому, с позволения сказать, герцогу немало теплых слов и, опять-таки пользуясь современными терминами, выразить вотум недоверия: ведь не имелось никаких доказательств, кроме слов самого Хертфорда и завещания, написанного неизвестно кем, но уж безусловно не собственноручно королем. Запахло хорошей дракой...

Хертфорд – ах, пардон, Сомерсет! – поставил им детский мат в два хода. При всех своих недостатках он был человеком умным и хитрым. Прежде чем разгорелись прения, он поторопился добавить: милостями ему и брату «королевские обещания» отнюдь не ограничиваются, а касаются практически всех здесь присутствующих. Кто-то из них получает титул, кто-то – земли из монастырского конфиската, кто-то – другие сладкие пряники. Такова уж была королевская воля, милорды.

Все кулаки моментально разжались, клыки спрятались. Самопровозглашенный Сомерсет повязал всех присутствующих не особенно и хитрым приемом: вздумай они во всеуслышание обвинить его в подделке последнего пункта завещания, автоматически лишились бы и сами титулов, должностей и земель, обладателями которых, по Сомерсету, только что стали. Так что шума поднимать не стоило. В конце концов, королю Генриху было уже все равно...

Вскоре произошло событие, так и не получившее однозначного объяснения. Опекунский совет единогласно, добровольно и с песней объявил о самороспуске, предварительно объявив Сомерсета лордом-протектором Англии, то есть правителем, а фактически некоронованным королем при десятилетнем коронованном.

Объяснений тут может быть только два. Возможно, благородным лордам, получившим много сладких пряников, попросту не хотелось заниматься скучными и сложными делами государственного управления, и они предпочли устраниваться, свалив все на кого-то энергичного, в данном случае на Сомерсета. Примеры в истории известны. Не исключено также, что все это мягко и ненавязчиво организовал сам новоявленный герцог, стремившийся к единоличной власти без всякого намека на оппозицию.

Как бы там ни было, Сомерсет стал правителем Англии. Занятно, но первая крайне серьезная проблема, с которой ему пришлось столкнуться, заключалась в его родном брате, бароне Томасе Сеймуре.

Человек, безусловно, был незаурядный и интересный, с сильной авантюрной жилкой. По отзывам современников, красавец-мужчина, как выразился о другом персонаже герой одного русского романа, «известный шарлатан насчет дамских сердец». Имел большой успех среди ветреных придворных красоток, мало того, ухитрился обаять юную четырнадцатилетнюю принцессу Елизавету. Кто-то из современников с исконно английской деликатностью выразился об этом так: «Принцесса уделяла ему чуть больше внимания, чем было принято у принцесс в ту пору».

Женился Томас не абы на ком: на вдовствующей королеве Екатерине Парр. Мотивы такого поступка как-то особенно историками не обсуждались, но, по моему личному мнению,

они лежат на поверхности: родись у Томаса дети, они благодаря матери имели бы права на английский престол. Неплохо быть отцом потенциального короля или королевы, согласитесь.

Однако Томас, как явствует из всего дальнейшего, строил более сложные комбинации и все яйца в одну корзину не складывал. Елизавета жила как раз в его замке – и однажды Екатерина чисто случайно застала в укромном уголке муженька и юную принцессу, обнимавшихся самым нежным образом. Растерявшийся Томас понес форменную чушь: мол, принцесса что-то набедокурила, и он решил ее наказать, как следует отшлепав.

Разумеется, Екатерина ни капельки не поверила: то, что она только что видела своими глазами, ничуть не напоминало наказание шлепками, вовсе даже наоборот. Мужу она закатила шумный скандал (надо полагать, пара ласковых слов досталась и юной принцессе) – и от греха подальше отправила Елизавету в отдаленное поместье.

И вскоре умерла при родах от бича того времени – родильной горячки, возникавшей оттого, что принимавшие роды врачи заносили инфекцию немытыми руками. Даже в последующие, вроде бы уже гораздо более прогрессивные столетия считалось обычным делом, когда врач являлся принимать роды, не то что не вымыв руки, а порой прямо из морга, где только что производил вскрытие. Так что процент смертности среди рожениц был огромный. С этим злом удалось справиться только во второй половине девятнадцатого (!) столетия...

Теперь Томас был свободен как ветер. И стал откровенно говорить в кругу друзей и близких знакомых, что всерьез намерен жениться на Елизавете, которая, в общем, не против. Игра приобретала еще больший интерес: окажись Елизавета на престоле (как оно в конце концов и случилось), Томас был бы мужем королевы – а если использовать кое-какие хитросплетения тогдашних английских законов, мог и сам быть коронован.

Перспективы открывались самые заманчивые. Конечно, Елизавета была наследницей «третьей очереди» – но уже было известно, что юный король Эдуард болен туберкулезом (который тогда не умели лечить совершенно, как и многие столетия спустя), а следующая в очереди наследница, принцесса Мария, тоже крепким здоровьем не отличается. Юная Елизавета, напротив, была здоровенькой и крепенькой, как наливное яблочко (что она доказала всей своей жизнью, просидев на престоле сорок пять лет). Среди знати стали понемногу распространяться слухи, что Елизавета, как бы это поделикатнее выразиться, уже уступила обожателю (в те времена для четырнадцатилетней девушки такое поведение, в общем, было делом обычным. Случалось, замуж и двенадцатилетних выдавали). Кто-то верил, кто-то нет, но многие Томасу завидовали: а вдруг и в самом деле – будущий король или по крайней мере муж королевы?

Человек предполагает, а бог располагает... В одно прекрасное утро по Лондону разнеслась сенсационная новость: барон Томас Сеймур, родной дядя короля и лорд-адмирал (командующий военным флотом королевства), арестован, заключен в Тауэр и обвинен в государственной измене... По приказу своего родного брата, лорда-протектора Англии герцога Сомерсета (отношения меж братьями всегда были крайне далеки от братских).

Как частенько случалось не только в Англии и не только в те времена, разные источники дают разные объяснения причинам ареста Томаса. Одни (авторы которых, надо полагать, настроены наиболее романтично) полагают, что причина – в душевном благородстве Томаса, публично выступившего против некоторых неприглядных поступков брата-протектора. Согласно этой версии, однажды Сомерсет решил построить себе новый роскошный дворец – и приказал снести стоявшую на месте будущей стройки церковь, а ее кирпичи и камни использовать при строительстве. И вдобавок при этом осквернили могилы – строили прямо поверх кладбища (они тогда располагались в церковных дворах). Томас открыто высказывался с осуждением такого кощунства – за что и поплатился головой.

Основания для такой версии вообще-то были – Сомерсет, расчищая место под строительство, снес не одну, а две церкви – и взорвал несколько колоколен.

Вот только другие источники, вполне достоверные, рисуют другие причины, не имеющие ничего общего с душевным благородством лорда Сеймура (какового за ним, в общем, как-то и не отметили современники). Картина предстает гораздо более неприглядная. По своей должности лорда-адмирала Сеймур обязан был самым энергичным образом искоренять расплодившихся в Ла-Манше английских пиратов. Однако вместо этого он их вульгарно крышевал за хороший процент от добычи.

Выяснилось еще, что Томас, вступив в сговор с управителем монетного двора, принялся воровать оттуда деньги. Именно воровать, без всякой изобретательности и фантазии: являлся на монетный двор, набивал немаленький мешочек свежоотчеканенными денежками и уносил под плащом. Какая-то система контроля и обыска на выходе в подобных серьезных учреждениях существовала уже тогда, но кто осмелился бы шмонать столь важную персону, дядю короля?

И в завершение всего – этакая вишенка на торте – Томаса Сеймура обвинили в том, что он составил заговор против брата, намереваясь убить его и занять его место при короле.

Вот это – самое темное место в истории гибели Сеймура. В отличие от других обвинений конкретных доказательств по «делу о заговоре» нет. Возможно, были такие материалы, но до нас они не дошли. Но это, в конце концов, совершенно не важно, планировал Томас такой заговор или все сочинили люди Сомерсета. В любом случае он был обречен – его брачные планы касаются принцессы Елизаветы, о которых уже судачили на каждом углу, представляли для Сомерсета нешуточную опасность и серьезнейшую угрозу. Слишком уж высоко взлетел бы нелюбимый братишка. Окажись на престоле Елизавета, Сомерсет мгновенно становился бы никем и ничем. Жизнь и земли он, очень может быть и сохранил бы, но влияния при дворе имел бы не больше, чем третий помощник младшего швейцара. А для определенной категории людей (к которым принадлежал и Сомерсет) власть слаще любых титулов и поместий...

Так был ли заговор? Теоретически можно допустить, что был, Честолюбивый Томас Сеймур, безусловный карьерист, вполне мог рассуждать следующим образом: почему братец Сомерсет прыгнул аж в герцоги, а мне, как кость собаке, кинули всего-навсего барона, самый низший дворянский титул? Почему я, точно такой же родной дядя короля, как и братец Сомерсет, не имею ни малейшего влияния ни на короля, ни на государственные дела? Деньги с монетного двора (и процент от пиратов) как раз и могли предназначаться для вербовки приверженцев – приличный, серьезный заговор требует больших денег, на медные гроши ничего путного не организуешь.

В общем, Томаса Сеймура судил Тайный Совет – высший административный орган управления страной, созданный после самороспуска совета опекунского. Сомерсет там играл примерно такую же роль, как Карабас-Барабас в своем кукольном театре. Так что Совет быстро приговорил Томаса к смерти. По должности Сомерсет мог приговор отменить, но делать этого не стал. Юный король тоже пальцем о палец не ударил в защиту родного дяди – и Томасу отрубили умную голову в Тауэре. Говорили, Елизавета плакала, а те самые ветреные придворные дамы хором сокрушались, что двор лишился одного из самых галантных кавалеров – но политических боссов во все времена подобная лирика не интересовала...

С какого-то времени герцог Сомерсет откровенно пошел вразнос, не видя рядом серьезных соперников и не сомневаясь в своем влиянии на племянника-короля (как впоследствии оказалось, и то и другое было крупной ошибкой регента). Мало показалось двух высших в государстве постов, лорда-протектора и регента королевства (это тоже был официальный пост, и престижнейший). Он добился у короля патента (наверняка им самим и написанного), по которому получал право увольнять любого члена Тайного Совета, хоть всех сразу – и назначать новых. Да вдобавок получил право собирать Совет только тогда, когда сам посчитает нужным.

Члены Тайного Совета не оставили мемуаров о своем отношении к подобным политическим новшествам, но не приходится сомневаться, что они, каждый по отдельности и все вме-

сте, Сомерсета тихо возненавидели. Мало приятного заседать в высшем органе королевской администрации и решать важнейшие государственные дела, зная, что Сомерсет, встав не с той ноги, может тебя вышвырнуть за дверь, как нашкодившего котенка, – и вообще созывает Совет, когда его левая пятка пожелает. Одним махом Сомерсет заработал немало потаенных врагов, что самое для него опасное, принадлежавших к высшей знати – о чем, полное впечатление, нисколько не задумывался.

Он был занят совершенно другим – придумывал для себя новые почести, должным образом показывавшие его особое положение. И придумал-таки: теперь, куда бы он ни шел, два герольда торжественно несли пред ним две здоровенные золотые булавы – очевидно, символизировавшие два его высоких поста (товарищ Брежнев, думается, оценил бы это должным образом).

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней... Глядя на начальство, принялись чудить и подчиненные. Томас Райсли, граф Саутгемптон, лорд-канцлер королевства, по должности являлся хранителем Большой Королевской Печати, которой, опять-таки по должности, обязан был заверять важнейшие официальные документы особой категории. Однако к своим обязанностям он подходил творчески. Те документы, которые он считал полезными и правильными (либо сам участвовал в их разработке), он припечатывал моментально, едва получив. Те, что он не одобрял, считал неправильными (или его не соизволили позвать, когда их составляли), граф, не мудрствуя, попросту забрасывал подальше в пыльные уголки, не подумав приложить к ним печать. Очаровательно, не правда ли?

Так он развлекался довольно долго, пока не лопнуло терпение у Сомерсета и Тайного Совета. Графа уволили, отобрали печать, конфисковали все движимое и недвижимое, как водится, законопатили в Тауэр и отдали под суд. Правда, обвинили всего-навсего в нарушении определенных правил делопроизводства (подробности приводить не буду, они длинные и скучные). Благородные все же люди – а ведь могли в два счета и государственную измену пришить, что им стоило...

В конце концов граф, можно сказать, отделался легким испугом – его выпустили на свободу и даже вернули большую часть конфискованных поместий (на госслужбу, правда, назад не взяли). Скорее всего, столь снисходительное отношение объясняется тем, что развлечения графа не имели ни малейшего отношения к заговорам или политическим интригам – а это, безусловно, в глазах многих было смягчающим обстоятельством...

Пришла пора коснуться самого главного вопроса: а каким правителем оказался герцог Сомерсет?

Бездарнейшим и никчемным. Как выразились Стругацкие об одном из своих героев, «что бы он ни задумал, все проваливалось». Примерно так обстояло и с Сомерсетом – абсолютно все его задумки либо с треском проваливались, либо прибавляли ему врагов, и в немалом количестве...

Совершеннейшим крахом закончилось первое и единственное выступление Сомерсета на международной арене. В те времена Шотландия и Франция уже довольно долго состояли в довольно тесном союзе (Шотландия тогда еще оставалась католической). Французы пользовались в Шотландии большим влиянием и порой даже держали там свои войска.

Получалось, что Англия оказывалась под двойной угрозой – и с севера, и с юга, причем к «просто» вражде примешивалась еще и религиозная рознь – католики англиканскую церковь не признавали и считали еретической.

Чтобы ослабить, а то и вовсе снять угрозу, Сомерсет придумал, в общем, неглупый ход: женить короля Эдуарда на шотландской королеве Марии Стюарт. Марии, правда, было всего пять лет, но в те времена считалось вполне законным, когда коронованные особы или знатные вельможи официальным образом обручали, а то и венчали детей в самом нежном возрасте. Подобный брак, несомненно, ослабил бы французское влияние в Шотландии.

Идея была толковая, вот только претворять ее в жизнь Сомерсет взялся довольно оригинальным способом. Который, правда, не он придумал – почти пятьсот лет назад подобный метод пустил в ход киевский князь Владимир Креститель, когда византийский император отказался выдать за него дочь. Осадив и взяв в Крыму византийский город Корсунь, Владимир отправил императору вполне вежливое, без единого матерного слова, послание, представлявшее, впрочем, чистейшей воды ультиматум: либо вы, ваше византийское величество, отдаете за меня дочку, либо – Корсунь наша. Корсунь была большим и богатым городом, лишаться которого по-любому жалко, и император (наверняка изрядно выматерившись) дочь за Владимира все же выдал.

Нечто подобное, бог ведает с какого перепугу, устроил и Сомерсет. Вместо того чтобы, как заведено у приличных людей, послать посольство из облеченных должными полномочиями сватов Сомерсет вторгся в Шотландию во главе хорошо вооруженной армии, состоявшей главным образом из иностранных наемников, – и двинулся к шотландской столице, сжигая и уничтожая все на своем пути. Он, извольте ли видеть, полагал, что такая демонстрация силы шотландцев испугает и заставит быть более сговорчивыми в вопросе о сватовстве. Неподалеку от Эдинбурга он разбил выступившее навстречу шотландское войско и отправил к шотландскому регенту Аррану переговорщиков. Те объяснили: герцог Сомерсет – не какой-нибудь пошлый агрессор, это он так пришел сватать Марию за Эдуарда.

Как и следовало ожидать, шотландцам такой способ сватовства пришелся категорически не по вкусу, и они послали Сомерсета на несколько честных шотландских букв. Обозлившийся Сомерсет взял Эдинбург штурмом и выжег. Что, конечно, принесло ему некоторое моральное удовлетворение, а вот внешнеполитические последствия оказались для Англии крайне неблагоприятными. Узнав о похождениях в Шотландии этакого свата, французы срочно перебросили туда войска и сами начали вести переговоры о браке Марии Стюарт с наследником французского престола Франциском (впоследствии он состоялся, но счастья Марии не принес). И развязали против Англии войну, крайне неудачную для туманного острова.

Вернувшись из Шотландии, Сомерсет – очевидно для разнообразия – решил заняться парламентской деятельностью. И созвал очередное заседание парламента. Принятые с его подачи решения только озлобили очень многих. Парламент отменил наказание плеткой-«шестьхвосткой» – но оставил в силе закон, по которому живьем сжигали католиков, выступавших против англиканской церкви – неважно, действием или словом. Мало того, законы против «здоровых» попрошаек» лишь ужесточили – теперь «любого, кто живет праздно и шатается без дела больше трех дней кряду» ждали еще большие невзгоды. Закон предписывал не только клеймить раскаленным железом, отрезать уши и отрубать руку, но и, заковав в кандалы, отдавать в рабство. Легко представить, какую реакцию этот закон вызвал у простого народа, против которого, и только против него, был направлен – к тому же все прекрасно знали, кто этот закон протолкнул.

Полное впечатление, что у Сомерсета был какой-то фантастический талант собственными руками создавать себе врагов и недоброжелателей. После неудачной войны (вызванной в первую очередь именно «подвигами» Сомерсета в Шотландии) королевская казна была пуста. И Сомерсет пошел по пути Генриха Восьмого – стал портить монету, благо «рецепты» прекрасно сохранились со времен Генриха, да и монетных дел мастера работали те же самые, так что изощрять ум правителю не пришлось ни в малейшей степени.

Вот тут уже против Сомерсета затаило злобу не только простонародье, а люди гораздо более серьезные, влиятельные и опасные – купцы (особенно крупные), финансисты (особенно крупные) и множество знатных вельмож, владевших огромными поместьями и частными армиями. Никому из них не улыбалось получать доходы «порченной монетой», где меди и бронзы было больше, чем золота и серебра. Опаснее даже вельмож, по-моему, были финансисты: мировая история дает массу примеров того, как скверно кончали серьезно ущемившие интересы

банкиров лидеры государств, и совершенно неважно, как они звались – лорд-протектор или король, премьер-министр или президент. Сомерсету следовало бы помнить о печальном конце поссорившегося с влиятельными банкирами Эдуарда Второго – но он, полное впечатление, изучением отечественной истории себя не утруждал...

Потом он стал претворять в жизнь еще одну ухватку Генриха Восьмого – принялся грабить церковь. Генрих Восьмой в свое время «раскулачил» ее основательно – земель и имущества лишились и были закрыты, по английским же подсчетам, 3219 больших, средних и малых монастырей и аббатств, а количество ограбленных церквей, по-моему, вообще учету не поддается.

Однако Генрих Восьмой вовсе не был пуританином-аскетом и не собирался превращать англиканские церкви в подобие пуританских, устроенных чистенько, но бедненько: четыре голые стены, скамейки для прихожан, скромная кафедра для проповедника – и все. Ему просто-напросто требовалась своя, можно сказать, личная церковь, которой он командовал бы как хотел, – и церковь эта ради престижа короля должна была сохранять некоторую роскошь и пышность. Поэтому Генрих выгреб не все. Части епископств и церквей, ставших теперь англиканскими, были оставлены и земли, и драгоценная утварь.

Вот за эти остатки прежней роскоши и взялся Сомерсет, конфискуя большую часть земель и выгребая из церквей изделия из золота и серебра. Которые велел переплавлять в монету – естественно, порченную.

Теперь против Сомерсета была настроена и церковь – что его нисколько не волновало.

А между тем его смерть уже прохаживалась поблизости на мягких лапках, дружелюбно улыбаясь регенту...

В сталинские времена «железный нарком» Лазарь Каганович, ведавший железными дорогами, высказал толковую мысль: «У всякой аварии есть фамилия, имя и отчество». Точно так же не так уж редко случается, что и смерть какого-то конкретного человека имеет имя и фамилию, потому что предстает не в классическом виде костлявой старухи с косой, а в людском облике...

Точно так обстояло и с Сомерсетом. Его смерть имела вполне себе человеческий вид и звалась Джон Дадли, граф Уорвик – с некоторых пор жаждавшего столкнуть Сомерсета и занять его место при короле и в королевстве.

Самое интересное, что Сомерсет и Уорвик когда-то, с детских лет и еще долгие годы спустя, были искренними, закадычными друзьями. Придворную карьеру оба начинали королевскими пажами. И потом очень долго вели себя как настоящие друзья: тот, кому удавалось подняться повыше старого приятеля, тянул его за собой, и наоборот. Однако власть, как давно известно, портит людей и обрывает всякие человеческие отношения. «Заматерев», бывшие друзья стали соперниками в потаенной борьбе за влияние на короля...

Однако одной ненависти и твердого намерения свалить противника мало. Нужен еще какой-то удобный случай, повод – а его-то Уорвику как раз и не подворачивалось. А когда подвернулся наконец, сам Уорвик был, собственно, и ни при чем.

Если смотреть в корень и рыть глубоко, погубителем Сомерсета оказался зажиточный кожевник из графства Норфолк Роберт Кет. Сомерсет о нем никогда не слышал до определенного момента, в жизни не видел. Точно так же и Кет так никогда и не узнал, что послужил для Уорвика тем самым удобным случаем сожрать соперника...

Англичане бунтовать любят и умеют – по самым разным поводам. Главной причиной восстания Уота Тайлера стало резкое повышение налогов. Во времена Генриха Восьмого все обстояло гораздо серьезнее – тут и открытое надругательство над церковью и огораживания, поставившие десятки тысяч людей перед реальной угрозой голодной смерти и петли. Глупо было думать, что англичане примут все это безропотно.

Они и не приняли. Во все время царствования Генриха в стране то тут, то там вспыхивали бунты. Самым крупным мятежом стало «Благодатное паломничество», названное так потому, что мятежники выступали и против огораживаний, и против погрома церкви. Как случилось не раз, в восстании участвовали не только крестьяне, но и ремесленники, горожане, мелкие помещики-сквайры, рыцари и дворяне, в числе бунтовщиков упоминается даже некий лорд Дарси. А письменные требования «паломников» королю передал довольно влиятельный дворянин граф Шрусбери (на сей раз в восстании участвовали и монахи из разгромленных монастырей, хотя сан им вообще-то запрещает брать в руки оружие).

Восстание приняло широкий размах, и подавили его с большим трудом. После чего, понятно, последовала расправа. Руководителям, в том числе лорду Дарси, отрубили головы, монахов вешали на монастырских колокольнях, и достоверно известно, что по крайней мере одну женщину сожгли на костре.

После этого на какое-то время настала тишина. В графстве Норфолк некий Джон Уолкер где-то в людном месте стал объяснять окружающим: народ не поднимается против гнета богачей исключительно оттого, что нет толкового вождя. За этикие крамольные речи Уолкера повесили, но он оказался пророком: через девять лет толковый вожак нашелся, и как раз в Норфолке.

Им стал тот самый Роберт Кет, человек интересный. Сначала он сам отхватил себе кусок общинной земли, огородив его для выпаса овец. Односельчане стали его за это стыдить. Тогда Кет по какому-то неизъяснимому выверту души (русскому человеку особенно понятному) схватил топор и собственноручно сокрушил свои же изгороди, а потом призвал народ к бунту против «надменных лордов».

Известно о нем очень мало, но, судя по всему, это был человек волевой, толковый организатор и хороший оратор – и ревностный прихожанин местной церкви. Уже недели через две у него было двадцать тысяч человек, вставших лагерем возле Нориджа – столицы графства Норфолк и одного из трех крупнейших городов Англии. Место, где они расположились, называлось Маусхолд – потому в литературе и принято называть восстание Кета «Маусхолдским сообществом». Очень похоже, среди повстанцев были люди, имевшие военный опыт: лагерь они оборудовали по всем правилам военной фортификации, выкопав ров, возведя брустверы, срубив вокруг все деревья, за которыми могли бы укрыться осаждающие, вздумай они появиться. Даже раздобыли где-то несколько пушек – сохранились свидетельства, что меж лагерем и гарнизоном Нориджа происходила артиллерийская дуэль.

Любопытно, что убийствами «огораживателей» и прочих «надменных лордов» мятежники не занимались – зато всю ярость обрушили на безвинных овец, считая их главными виновниками своих бедствий. Только в одном графстве Норфолк (а мятеж затронул и два соседних) овец перерезали двадцать тысяч. По всему графству долго приятно пахло жареной бараниной.

В конце концов штурмом взяли Норидж. Только тогда в Лондоне стали понимать, что это не очередная местная заварушка, а нечто более серьезное. Однако солдат под рукой не было – как раз шла очередная война с Шотландией. Срочно собрали воинство тысячи в полторы из всех, кто оказался под рукой, – дворян и рыцарей, их оруженосцев и слуг, итальянских наемников и просто готовых повоевать за плату городских шаромыг. Во главе неизвестно с какого перепугу поставили благородного лорда Уильяма Парри. Военного опыта у него не было ни малейшего, а единственное его достоинство заключалось в том, что он был родным братом покойной королевы Екатерины Парр.

Поначалу ему везло. Дело в том, что Кет, взяв город, большую часть своих людей отвел обратно в лагерь, а в городе оставил лишь немногочисленные заставы. Люди Парра их легко смяли и захватили Норидж. Однако мятежники его отбили, и Парр с позором отступил.

Прежней ошибки Кет не повторил – почти все свое войско оставил в городе. Однако допустил другие ошибки – не попытался, подобно Тайлеру, поднять общенациональное восстание, даже не налажив контакта с другими мятежниками, действовавшими на западе не так уж далеко от него – там десятитысячный отряд повстанцев осаждал крупный город Эксетер. Но главной его ошибкой была совсем другая: как и Тайлер с «атаманами», как и вожаки Благодатного паломничества, Кет и его люди были в плену той самой формулы, что не раз проявляла себя не только в Англии: «Царь хороший, а бояре плохие». Искренне полагали, что огораживание – не санкционированная с самого верха целеустремленная кампания, а произвол отдельных лихоимцев и злодеев. Король, который, конечно же, ничего не знает о «перегибах на местах», наведет порядок и не позволит далее притеснять свой добрый народ, искренне преданный его величеству.

В Лондон отправили так называемый «Билль 29 требований и просьб». Первым пунктом, конечно, стояла слезная просьба приструнить захватчиков общинных земель. Но были и другие довольно интересные пункты: например, разрешить на местах выборы чиновников, которые следили бы, чтобы соблюдался закон о запрете огораживаний. И просьба назначить в каждый приход специального служителя, обучавшего бы грамоте детей простолюдинов, – идея, опередившая свое время лет на триста. Кто ее придумал, сам Кет или кто-то другой, так и осталось неизвестным.

Король ответил через Сомерсета довольно вежливо: мятежникам следует разоружиться и мирно разойтись по домам. Ну, а через пару месяцев соберется парламент, рассмотрит «Билль» и накажет всех, кого следует наказать.

Но вот на это мятежники уже не купились. Наверняка помнили судьбу повстанцев Тайлера, «мирно разошедшихся» по домам и поплатившихся за это большой кровью, – и от королевского предложения отказались, вежливо, но решительно, повторив свои требования.

Вот тут-то и взошла звезда удачи графа Уорвика – именно ему король поручил разгромить восставших и взять Норидж. У Уорвика как раз был солидный военный опыт. Он довольно быстро собрал войско – двенадцать тысяч пехотинцев и полторы тысячи тяжелых конников – закованных в броню немецких наемников.

После двухдневных кровопролитных боев Уорвик разбил пушками ворота Нориджа и занял город, вынудив повстанцев отступить в лагерь на Маусхолдской пустоши. Там вожаки мятежа после долгого военного совета приняли решение: выйти из лагеря и дать Уорвику бой на открытом пространстве. Хотя все прекрасно знали уже, что у Уорвика сильная артиллерия, а их собственные пушки можно по пальцам пересчитать – и, кроме того, у карателей сильная конница при ее полном отсутствии у повстанцев. Самое вероятное объяснение: и Кет, и его ближайшие соратники понимали, что Уорвик даже не станет штурмовать хорошо укрепленный лагерь, попросту возьмет его в осаду, и исход будет один: в конце концов голод заставит осажденных сдаться...

Сражение произошло в долине Дассиндейл – со временем название местности изменилось, и английские историки до сих пор не определили, где эта долина сейчас находится. Собственно говоря, это было не сражение, а бойня. Пушки Уорвика сразу же проделали обширные бреши в рядах повстанцев, и в них ворвалась почти неуязвимая для немудреного оружия мятежников тяжелая конница. Пленных не брали, вырубали всех подряд – даже на общем фоне того свирепого времени немецкие ландскнехты печально прославились особенной жестокостью. Тех, кто попался живым, тут же вешали на ближайших деревьях или рубили.

Нужно отметить, что Уорвик проявил определенное душевное благородство. Немногие уцелевшие в резне повстанцы, окружив себя баррикадами из связанных повозок – непреодолимое препятствие для конницы, – приготовились драться до конца по принципу: погибать, так с музыкой. Видя, что битва им уже выиграна и не желая напрасно терять людей, Уорвик

отправил парламентаря, передавшего обещание графа отпустить на все четыре стороны тех, кто сдастся.

Парламентаря послали в пешее эротическое путешествие – в этом отношении английский язык достаточно богат. Тогда к осажденным отправился сам Уорвик – что, между прочим, требовало немало личного мужества, кто-то мог и пустить стрелу. И уже от своего имени дал честное слово, что все так и будет.

Мятежники сдались – и в самом деле были отпущены на все четыре стороны. Но вот остальным пришлось гораздо хуже – рубили и вешали беспощадно...

В Лондон Уорвик вернулся форменным триумфатором. Его встретило такое всеобщее ликование знати и нетитулованной дворянским званием элиты, какого он наверняка и сам не ожидал, официально это, конечно, не провозглашалось, но графа считали форменным Спасителем Отечества.

Причины столь восторженного приема понять трудновато. Мятеж Кета значительно уступал по размаху восстанию Уота Тайлера и, по сути, свелся к кратковременному захвату Нориджа. К тому же – интересная подробность! – в отличие от всех прошлых мятежей восставшие, достоверно известно, никого из «притеснителей народа» и «надменных лордов» не убивали. Вообще. Не зафиксировано ни одного случая, наоборот, известен строжайший приказ Кета «Не убивать!», и выполнялся он исправно.

Весьма вероятно, английскую знать встревожил – а может, даже и напугал – «Билль 29 требований». Очень уж неприемлемы были для благородных лордов некоторые его пункты. Что же это такое, милорды? Выборные чиновники, которые следят за соблюдением законов против огораживания, в каждом приходе учитель обучает грамоте детей серого мужичья... Если так пойдет дальше, чего еще потребует это быдло? Своих депутатов в парламенте?

Словом, точные мотивы столь триумфальной встречи неизвестны. Но чувствовали Уорвика искренне, повсеместно и горячо. Король пожаловал ему титул герцога Нортумберленда. Одним словом, пользуясь современной терминологией, рейтинг новоиспеченного герцога взлетел куда-то в заоблачные выси – а рейтинг Сомерсета, наоборот, давно уже пребывал где-то ниже плинтуса.

И Уорвик – точнее, уже Нортумберленд – понял, что его время настало. Пришел удобнейший момент свалить соперника...

Нортумберленд повел переговоры с ненавидевшими Сомерсета членами Тайного Совета. От подобных закулисных политических игр во все времена не оставалось никаких документов, но кое-какие предположения все же строить можно. Вероятнее всего, была заключена сделка: герцог обязуется никогда не покушаться на права и привилегии членов Тайного Совета, а Совет его поддерживает во всех начинаниях. Что-то вроде этого безусловно имело место.

Сомерсета очень быстро арестовали – по распоряжению Тайного Совета лишили постов регента и лорда-протектора. Совет же и взялся Сомерсета судить, на что по английским законам имел право.

Опять-таки говоря современным языком, низложенного регента и лорда-протектора обвиняли в злостном злоупотреблении служебным положением – добавив сюда и казнокрадство. Грустный юмор ситуации в том, что в отличие от некоторых других судилищ, имевших место не только в Англии, на сей раз абсолютно ничего не пришлось придумывать или сочинять. Сомерсет и в самом деле наворотил все то, в чем его обвиняли, доказательства были самыми что ни на есть убедительными. Сомерсет, на коленях стоя перед Тайным Советом, признавал все обвинения против него и униженно молил о прощении.

Учитывая устоявшиеся нравы политической жизни той эпохи, будущее Сомерсета предсказать, казалось, будет легче легкого: смертный приговор, плаха в Тауэре...

Однако судьба совершила неожиданный поворот. Никакого приговора вынесено не было, документы суда положили под сукно, Сомерсета после четырехмесячной отсидки освободили

вчистую. Мало того – вернули членство в Тайном Совете. Многих это буквально ошеломило, но так уж все обстояло...

Такой финал был бы просто немыслим без воздействия Нортумберленда – который, несомненно, за всем этим и стоял. Нортумберленд был в большой милости у короля, мог бы раздавить Сомерсета, которого никто не рвался защищать, как муху, но поступил так, как поступил. Да вдобавок женил своего сына на дочери Сомерсета Анне.

В чем причины такого великодушия? И даже брака детей? Нельзя исключать, что в душе прожженного политика Нортумберленда еще теплилось что-то человеческое и он помнил о многолетней былой дружбе.

Вот тут Сомерсету, по сути, отделавшемуся легким испугом, сидеть бы тихо, как мышка, вести жизнь самую благонамеренную. Да радоваться втихомолку, что все обошлось. Но не тот был персонаж... Вскоре поступили самые достоверные сведения, что Сомерсет намерен женить юного короля на другой своей дочери, Джейн, и даже предпринимает к этому некоторые шаги.

Вот тут уж поднялся всеобщий скрежет зубовой, такой, что его, очень может быть, услышали и в Шотландии. Все прекрасно понимали расклад, особого ума для этого не требовалось. Король был крайне хрупок здоровьем. По английским законам женщины могли становиться королевами, а вдовы королей быть не вдовствующими королевами, обязанными смиренно отойти в сторонку, а правящими. В случае смерти короля правящей королевой становилась бы Джейн Сомерсет – ну, а кто реально получал бы королевскую власть, все и так прекрасно понимали – не бином Ньютона...

И никаких гарантий, что Сомерсет, став некоронованным королем, не захочет отомстить всем, кто принес ему столько неприятностей...

Сомерсета, его жену и нескольких влиятельных друзей очень быстро арестовали. На сей раз, очевидно, для разнообразия, герцога судила Палата лордов. Государственной измены вопреки обычной практике и на сей раз не шили. Обвинения были чисто уголовного характера – оказалось, злодей Сомерсет готовил убийство Нортумберленда (а, как утверждают некоторые источники, еще и племянника-короля).

Вот здесь я решительно не берусь судить, ложными были обвинения или истинными. Правда, есть сильные сомнения, что Сомерсет собирался убить короля – совершенно непонятно, какую выгоду он в этом случае мог получить. А вот насчет Нортумберленда – тут еще бабушка надвое сказала. Нортумберленд отнял у Сомерсета слишком много, так что все возможно...

Как бы там ни было, Сомерсет был приговорен к смертной казни по чисто уголовным обвинениям. У меня отчего-то сложилось стойкое убеждение, что и на этот раз Нортумберленд из великодушия оказал бывшему другу последнюю услугу.

«В чем тут услуга?» – может спросить кто-то. Господа, это же на поверхности! Легкая смерть. Очень уж разные наказания, точнее, разные формы смертной казни были за государственную измену и уголовное преступление.

Давайте примерим ситуацию на себя. Не будем суеверными – речь идет о чистой виртуальности, голов у нас уже не рубят давненько, да и смертной казни давно нет.

Предположим, нам уготованы два вида смертной казни, и мы имеем возможность выбирать. Первый вариант – нас вздергивают на виселицу, придушивают не до смерти, снимают, заживо потрошат, сжигают внутренности перед глазами, четвертуют и только потом отрубают голову. Второй вариант – кладете голову на плаху, один взмах топора, и все для вас кончается (ну, в том случае, если вы атеист). Найдется кто-нибудь, кто выберет первый вариант? Крепко сомневаюсь.

Так что Сомерсет, по крайней мере, умер легко, избежав полагавшихся по закону за государственную измену мучительств. Похоже, король не питал к обоим своим дядюшкам ни

малейшей симпатии – как и в случае с Сеймуром, он не сделал ни малейшей попытки вмешаться. Более того, сохранились достоверные свидетельства: в день и час казни Сомерсета король развлекался музыкой и танцами. Очень похоже, он ничуть не горевал, что остался вовсе без дядюшек.

А со здоровьем у него становилось все хуже и хуже, это прекрасно понимали не только врачи, но все, кто с его величеством общался. Следовало ждать самого худшего...

Иоанна Первая, королева Англии

Вы никогда не слышали о такой английской королеве? Я тоже. Точнее говоря, я о ней знал добрых лет пятьдесят, с тех пор как прочитал бессмертный роман Марка Твена «Принц и нищий». Вот только там она выступала под другим именем, данным при крещении, и под своей собственной фамилией. О том, что она еще и Иоанна Первая, я узнал буквально пару месяцев назад, закопавшись в английскую историю.

Но давайте по порядку...

На первый взгляд, смерть юного короля Эдуарда не влекла за собой никаких династических сложностей, и вопроса о наследнике не возникало. Точнее, о наследнице. Как мы помним, предусмотрительный Генрих Восьмой задолго до смерти составил и заверил в парламенте «Акт о престолонаследии». Простой, как таблица умножения и не допускавший ни малейших двойных толкований. В случае смерти Эдуарда престол занимает принцесса Мария. В случае ее смерти, если она не оставит наследников, – принцесса Елизавета. Просто, как дважды два.

Однако случалось не раз (и не только в истории Англии), что завещания королей касательно наследников, самые что ни на есть законные, написанные простым и ясным языком, оставались пустыми бумажками. Потому что находились крайне влиятельные люди, которых такие завещания не устраивали.

В данном случае «Акт о престолонаследии» категорически не устраивал всемогущего Нортумберленда. О причинах подробнее – чуточку позже, а пока о главном. Нортумберленд уговорил молодого короля издать свой собственный закон о престолонаследии (который сам же и написал) – так называемый «Закон о наследии». По нему и Мария, и Елизавета лишались всяких прав на престол – потому что в свое время были объявлены Генрихом Восьмым незаконными дочерьми. Королевой, по замыслу Нортумберленда, предстояло стать леди Джен Грей.

Нам просто необходимо познакомиться с ней поближе. Шестнадцать лет. Старшая дочь лорда Генри Грея. По линии отца – правнучка Генриха Седьмого (через его младшую дочь Марию). По линии матери – прапраправнучка Элизабет Вудвилл, супруги короля Эдуарда Четвертого. В силу этой генеалогии – двоюродная племянница самого Эдуарда, по английским законам о престолонаследии стоявшая третьей претенденткой на престол после Марии и Елизаветы, совершенно законной.

Король этот закон подписал – по неизвестным Большой Истории причинам двенадцать раз.

Красавица (портреты сохранились). Умница. Добрая и мягкая по характеру. А главное – девушка образованнейшая даже по современным меркам. Владела французским, итальянским и арабским, свободно говорила и читала по-латыни и по-древнегречески (вообще любила читать Платона и Демосфена в подлиннике). Да вдобавок читала еще и на древнехалдейском. Читатель, вы знаете хотя бы одно слово на древнехалдейском? Я – тоже нет. А эта шестнадцатилетняя девочка на этом языке свободно читала...

Убежденная протестантка. Воспитана в крайней строгости. К роскоши была совершенно равнодушна и при дворе в отличие от прочих дам появлялась в крайне скромных платьях.

И в довершение всего – молодая жена, только что вышедшая замуж за младшего сына Нортумберленда Гилфорда Дадли. В связи с этим обстоятельством читателю, думаю, нет нужды объяснять мотивы Нортумберленда, подавшего королю на подпись именно такой закон?

Иногда попадаются утверждения, будто Нортумберленд «вынудил» короля это сделать. Ничего подобного. Закон полностью отвечал мыслям и чаяниям самого Эдуарда. Воспитанный в протестантизме, он терпеть не мог старшую сводную сестру Марию, истовую католичку. А к

Елизавете, хотя та, как и он, была протестанткой, он был, в общем, совершенно равнодушен – слишком мало они общались, чтобы сблизиться.

А вот с леди Джен король общался часто, долго и охотно. И относился к ней с искренней симпатией (одно время их даже собирались поженить, но что-то не сложилось). Так что желание Нортумберленда видеть леди Джен преемницей Эдуарда полностью отвечало желаниям самого Эдуарда, и наверняка Нортумберленду не пришлось долго его уговаривать.

И сразу же возникло препятствие – правда, не из непреодолимых. Королевские юристы, которым следовало этот закон заверить, выступили против практически единогласно. Со всем должным почтением, но решительно стояли на своем: утверждать этот документ они не будут, потому что он противоречит английским законам. Во-первых, подобный закон должен быть сначала, до того как они поставят свои подписи, утвержден парламентом. Во-вторых, что гораздо важнее, существует «Акт о престолонаследии» Генриха Восьмого, как раз по всем правилам утвержденный парламентом, где все расписано четко: Эдуард – Мария – Елизавета. О леди Джен Грей, пусть и обладающей правами на престол, там нет ни словечка. Да, действительно, в разное время Генрих объявлял «незаконными дочерьми» и Марию, и Елизавету (в силу тех или иных политических соображений). Но потом он эти решения отменил – чему наглядным свидетельством тот же «Акт о престолонаследии». Так что рубите нам головы, ваше величество, но эту бумажку мы не заверим.

– И отрублю! – взревел присутствующий здесь же Нортумберленд.

После чего, картинно разорвав до пупа свою роскошную рубаху (так и было!), он медведем насел на юристов, обещая им много нехорошего, как то: собственноручно оторвать руки, вырвать ноги, проломить головы, вообще стереть в лагерную пыль. И в завершение зловеще добавил что-то вроде:

– Парни, вы меня знаете...

Пользуясь цистой Стругацких, «Они его знали. Они его очень хорошо знали». И нисколько не сомневались, что свои угрозы он тут же претворит в жизнь. Законники – тоже люди, и жить им хотелось, как любому. Поэтому закон был ими утвержден очень быстро. После чего Нортумберленд развил бешеную деятельность. Так и останется неизвестным, какие аргументы он пустил в ход, но парламент был выведен из игры, и в один (!) день новый закон скрепили своими подписями все члены Тайного Совета, а также более сотни епископов и представителей высшей аристократии. Теперь злополучного «Акта о престолонаследии» словно бы и не существовало, приличия ради о нем более не напоминали. Каких нервов это стоило Нортумберленду, можно только догадываться, но человек для себя, любимого, старался, а в такой ситуации о нервах не думают. Признаюсь откровенно: Нортумберленда я терпеть не могу (как главного виновника гибели леди Джен, моей, что там, симпатии), но не могу не испытывать чего-то вроде восхищения: провернуть такое в один день смог бы далеко не каждый. Сволочь, конечно, но умнейшая и с железным характером...

Последующие события показали, что Нортумберленд не зря жег нервы и тратил силы – король Эдуард скончался буквально через две недели после того, как закон был утвержден. По приказу Нортумберленда его смерть три дня держали в секрете. Сам Нортумберленд, приказав привести в полную боевую готовность лондонский гарнизон, помчался к леди Джен, прихватив с собой Уильяма Парра и еще трех графов – очевидно, для того чтобы те изображали «глас народа».

Нортумберленд с ходу объявил невестке, что она отныне – королева Англии. При этом известии леди Джен упала в обморок. Очнувшись, она на коленях, со слезами стала умолять избавить ее от этакой чести, потому что не в состоянии будет справиться со столь серьезным делом, как управление королевством. И вообще, ей ничего не нужно от жизни, кроме книг древнегреческих философов – ну, и забот о молодом муже, с которым она обвенчалась всего месяц назад. А престол ей абсолютно ни к чему, она себя на нем и не представляет.

Умная была девушка... Однако благородные господа, в свою очередь попадав на колени и пустив слезу, после долгих уговоров все же заставили ее согласиться. Сохранилось письмо леди Джен Марии Тюдор, где она подробно описывает этот визит – но, к превеликому сожалению, разыскать его мне не удалось. Не знаю, было ли оно переведено на русский и опубликовано в каком-нибудь малотиражном ученом труде, а ехать в Англию у меня не было ни малейшего желания – тамошние циркачи давно прослышали о кое-каких деталях моей биографии и кое-каких наградах. Чего доброго, сделали бы из меня второго Баширова-Петрова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.